

Содержание

Николай Каразин

Чудеса хирургии, или Ночь Клеопатры 9

Николай Лесков

Дух госпожи Жанлис. *Спиритический*
случай 30
Штопальщик 55
Путешествие с нигилистом 81
Маленькая ошибка. *Секрет одной*
московской фамилии 93

Антон Чехов

Кривое зеркало. *Святочный рассказ* 106
Мошенники поневоле. *Новогодняя*
побрехушка 111
Гадалычики и гадалыщицы. *Подновогодние*
картинки 117
Орден 120
Пережитое. *Психологический этюд* 126
Либеральный душка 129
Предписание. *Из захолустной жизни* 135

Дело о 1884 году. <i>От нашего корреспондента</i>	137
Праздничная повинность	140
Ночь на кладбище. <i>Святочный рассказ</i>	147

Николай Лейкин

В Крещенский сочельник	153
В Рождество	158
На Святках	167

Максим Горький

Старый Год. <i>Сказка</i>	173
В сочельник	180
О мальчике и девочке, которые не замерзли. <i>Святочный рассказ</i>	193

Василий Авсеенко

На елке. <i>Из «Петербургских очерков»</i>	207
--	-----

Влас Дорошевич

Святочный рассказ	218
Праздник	233

Аркадий Аверченко

Первый дебют. <i>Рождественская история</i>	247
Пасхальная метель	255
Новогодний тост. <i>Монолог</i>	264
Рождественский день у Киндяковых	268

Рождество в Петербурге	280
Куклы. <i>Рождественский рассказ</i>	293
Сухой праздник. <i>Неорождественский рассказ</i>	302
Инквизиция.	313
Индейка с каштанами.	318

Тэффи

Когда рак свистнул. <i>Рождественский ужас</i> . . .	328
--	-----

Александр Чехов (А. Седой)

Тришкина душа	337
Нарушитель закона	359
Тяжкий грех.	379
Художник и черт	393
Звезда	419

Николай Каразин
(1842–1908)

**Чудеса хирургии,
или Ночь Клеопатры**

Наконец у нашего паровоза не хватило более сил. Глубоко врезался он своею горячею металлическою грудью в скатный занос, зашипел, запыхтел, жалобно свистнул раза два и встал.

Забегали по вагонам озабоченные кондукторы, направляясь к голове поезда, встревожилась и публика... На служителей «тяги» дождем посыпались вопросы: это почему? что случилось?.. кой там черт-дьявол?.. Один заспавшийся пассажир суетился и требовал носильщика, думая, спросонков, что приехали... Большинство же относилось или, по крайней мере, делало вид, что относится равнодушно к данному событию, ибо предвидеть сие было весьма вероятно.

Лило с утра, лило весь день... На каждую станцию поезд прибывал с получасовым, и даже более, опозданием... Накопилось этого опоздания уже часов восемь, а до города, до конечной

цели, куда уже мы давно должны были прибыть, осталось еще верст до сотни...

А поезд был предпраздничный, набит битком пассажирами, и все рассчитывали провести канун, великий сочельник, в кругу своих родных и близких у, так сказать, уютного семейного очага... Вот тебе и прибыли!.. Конечно, досадно! И если, в предвидении такой неприятности, лица наших пассажиров уже с утра стали понемногу вытягиваться, то теперь, к ночи... Можете ли вы себе представить, что представляли бы из себя физиономии путешественников, если бы выражение «вытягиваться» понималось бы в буквальном смысле?

Вы, если не все, то, по крайней мере, большинство, по горькому опыту знаете, что такое вагон второго класса, переполненный пассажирами, да еще предпраздничными, да еще зимою... Про третий класс я и не говорю! Если бы железные дороги были изобретены во время великого итальянского поэта Данте, то, наверное, к его поэме «Ад» прибавилась бы новая глава... Пассажиры воспользовались откидными приспособлениями для сна, а потому расположились в два слоя.

Пассажиры, кроме той одежды, что на них, запаслись еще, на всякий случай, шубами, шинелями, даже дубленками с их острым, всюду

проникающим запахом, массою пуховых подушек, стеганых одеял и пледов, у всякого корзины по три, а то и больше с провизией, ведь дело перед праздниками, и вся эта провизия тоже распространяет разнообразные ароматы, и все больше угрюмо-постные... А чемоданы, якобы ручной багаж, что двоим из вагона не вытащить, картонки, узлы, домашние собачонки, пронесенные контрабандою в вагон под полю бурнуса своей владелицы, малолетние дети, которым полагается — *de jure*¹ только половина места, а *de facto*² полтора... Ну, просто — ни пройти, ни продышать... Никакого порядочного приспособления для очистки воздуха... и на ходу-то скверно, а тут стоп! Ни назад, ни вперед, ни выйти некуда, ни повернуться!..

Паровоз уже давно перестал протестовать своими унылыми свистками, кондуктора прятались от праздных вопросов, разных претензий, доходящих даже до ругани. Остается сидеть и ждать — а чего ждать?.. Разве что появления какой-нибудь благодетельной феи, которая мановением жезла разнесет в прах эти снежные заносы, освободит железного богатыря, расчистит перед ним путь... облегчит души

.....
¹ По праву (*лат.*).

² На деле (*лат.*).

несчастных, заточенных путников. Но когда это свершится, когда?

А вот когда. Поезд застрял, отойдя семнадцать верст от маленькой станции Голодайки, не доходя до следующей, тоже маленькой, без буфетной станции Холодайки, а за сорок верст ходу — станция Выпивайка, но это хорошая станция, большая, по шерсти и кличка...

Поездной телеграфный аппарат не действует, кондуктор «побег» до сторожевой будки, «чтобы, значит, погнать самих сторожей, от будки до будки, пешком на Холодайку, а уж отсюда — телеграмму дадут на Выпивайку, чтобы, значит, выслали паровоз с рабочими... Вот и рассчитывайте сами.

Так пояснил и растолковал сущность положения сам «обер» перед тем, как надолго скрыться с глаз претендующей публики.

Когда, под гнетом неизбежности данного тяжелого положения, всеми овладевает чувство уныния и тоски, воцаряется общее молчание, стоит только одному кому-нибудь не только слово промолвить, а просто вздохнуть «от глубины души», то сейчас в ответ послышится сочувственный вздох, а там и пошло, и пошло...

Начнет так:

— О-хо-хо!.. Хо!..

А другой в ответ:

— Да-с!.. Это точно, что о-хо-хо!

А далее:

— Ну-с, доложу вам... Ведь это уже того-с... это что, называется...

А потом:

— Был тоже раз с нами случай...

Вот и пошел разговор... спасительный, потому что объединяющий злополучную компанию, благотворно сокращающий невыносимо тягучее время. Так и теперь... Не успели повздыхать немного, как один такой сладенький, заприлавочный тенорок робко произнес:

— Это еще ничего, мол, в вагоне!.. Тепло, вольготно, да и ненадолго-с, с полсуток потерпим, а там и раскопают...

Был такой полумрак от густоты воздуха, что только туманными пятнами обозначались огни вагонных фонарей, а лиц пассажиров различить не было никакой возможности — голосами только и разнились...

— В вагоне еще можно вытерпеть, — согласился с тенорком хрипловатый бас. — А вот как на большом сибирском тракте замело нас в санях, так ведь не чаяли и живы быть, молились да к смерти готовились...

— В такие метели, — поддержал другой бас, вроде протодьяконского, — много народу гибнет... В степи ежели...

— И не только простого звания, — отозвался третий тенор с сильным насморком. — Был даже случай с одним вице-губернатором... Ямщик поехал верхом искать дороги, а он остался в возке и, конечно, погиб...

— У нас под Красноярском вице-губернатора — станového раз занесло, так на шестые сутки, без малого неделю спустя, разыскали...

— Отрыли?

— Отрыли. Только не люди, волки отрыли и сожрали. По документам только и узнали, что становой... а то...

— Должно быть, с тракту сбились... Тогда уже беда!.. А нет, лучше не пытайся, не ищи дороги — отмаливайся на месте... Да уповай на Бога!

— У нас был случай такой, целый поезд сбился с дороги. Машинист ничего не мог видеть, не мог управлять. Локомотив незаметно отклонился левее, и пошло, и пошло.

— Это с рельсов-то?..

— Какие там рельсы? Когда все, вы понимаете, все замело!..

— Ну что вы врете!..

— Позвольте, позвольте. Да это на какой дороге было?

— А на этой, знаете, на Ростов-Владикавказской!

— Ну, там возможно... Там все возможно...

— Там, батюшка мой, был такой случай, в газетах напечатано. Налетает на станцию шайка разбойников... Что, спрашивают, номер тридцатый не проходил еще? А этот номер, господа мои, был почтовый и большие суммы вез. Начальник станции оробел, понятное дело: люди в папах, в зубах по кинжалу, в каждой руке по ружью, — вот он и докладывает: прошел не более как минут двадцать. «Давай, такой-сякой, сейчас нам экстренный!» Подали... Разбойники-то взяли билеты третьего класса, а засели в первый, дуют в два кнута... понятно, догнали да с размаху так и врезались!

— Эко, парень, врет здорово! — раздалось из дальнего угла, откуда особенно тянуло запахом семги и слышалось чавканье.

И это замечание некстати чуть было не испортило всего дела. Настало неловкое, смущенное молчание... Только рассказчик пробормотал вполголоса:

— Я не знаю... я сам не был... Что люди, то и я... В газетах было пропечатано!

— А тяжелое это состояние, быть занесенным в снег... — отважился даже чей-то женский голос.

— Быть, так сказать, погребенным заживо... Представить себе только, так уже будто сам

испытываешь адские мучения...— продолжал другой, тоже женский, голос, поглубже...

— В снегу-то еще ничего, сударыня... А вот как вас на три аршинчика да в землю, да в тесном ящичке...

— Не говорите... это ужасно!

— Я, впрочем, сомневаюсь, чтобы такие случаи действительно были.

— Бывают-с... и бывали неоднократно!

— У нас одного купца-лабазника чуть не зарыли, только тем и спасся, что Бог помиловал, чих послал, как раз, значит, в то время, как крышку заколачивать стали. Развели это олово, запаявать, значит, дух пошел едущий — он и прорвался... Как чихнет, все так со страху повалились...

— Тоже и у нас одного похоронили. Дорогою, когда везли под катафалком, кучер сказывал, будто как в гробе кто-то хрюкает, да ему не поверили, похоронили, а потом сомнение одолело, как бы что не так... Пока бумагу подавали на разрешение, значит, отрытия, пока что... разрыли — а он кверху спиною, и руки все изгрызены...

— Господа! Нельзя ли прекратить эти разговоры! Я женщина нервная... я не могу...

— А вы не слушайте, если нервная! — запротестовали женские голоса.

— Ах! Как же не слушать, когда все это так интересно?

— И хочется, и колется, значит! — захихикали в углу, откуда семгою пахло.

— А ведь это действительно ужасное положение — быть заживо погребенным. И все слышать, все сознавать, все чувствовать...

— А приходилось ли кому-нибудь слышать лично такого заживо погребенного и спасенного?..

— Нет, не приходилось...

— Я видел одного в монастыре. Только тот ничего не рассказывал, принял схиму и дал обет молчания!

— Ах, как бы это было интересно!

— Да коли бы не ввали, а правду говорили... оно точно, что тогда бы занятно было и даже, могу сказать, поучительно! — опять донеслось вместе с букетом семги.

— Да вот, к примеру, померла, думали, купчиха Федулова, богатейшая старуха, дочь свою за молодого офицера выдала, с уговором, чтобы при себе жить, вместе, значит. Положили старуху в гроб, обрядили, как следует. День прошел, ничего, — завтра хоронить. Лежит купчиха да все слушает. Дочь плачет, причитает: «На кого, маменька, вы нас, сирот, покидаете?» — а муж ейный утешает, говорит: «Не плачь, мой

ангел, не убивайся!.. Поверь, лучше будет. Мало ли нас эта ведьма мучила... Чтобы ей на том свете легче было, чем нам с тобой на этом было...» Тут теща и не выдержала, не стерпела — злоба всю летаргию как рукою сняла. Выскочила из гроба, да и кричит: «Вон, мерзавец, из моего дома!..» То есть такая, я вам доложу, история вышла...

— Это уже никак юмористика пошла! — заметил кто-то.

— Комедь — одно слово...

— Да вот комедия, вы говорите... А вот вы, господин, побывайте в нашей шкуре, когда раз товарищ наш в больнице помер. Дали знать, пошли наши помолиться, сами видели, как голый, под простыней в мертвецкой лежал носом кверху... А в ту же ночь просыпается один из молодцов и видит: покойник у шкафика, где водка хранилась, да так и хлопает рюмку за рюмкою...

— И семгою, небось, вот как я, закусывает...

— Да что это вы право... Все врут да врут — кушайте себе на здоровье и нас не смущайте!

— Да врите, мне что...

— Ах, господа! — томно проговорила какая-то дама. — Эти рассказы, эти страшные приключения так приятно, так хорошо слушать... сердце замирает и так бьется при этом, так бьется странно... и так хочется верить...